

Lyubov A. Feoktistova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

“Tricky Dmitry”: Linguistic and Cultural Connotations of one Russian Personal Name

Voprosy onomastiki, 2019, Vol. 16, Issue 4, pp. 83–107

DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.4.046

Language of the article: Russian

Феоктистова Любовь Александровна

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

«Хитрый Митрий»: системно-языковые и культурные коннотации одного личного имени

Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 4. С. 83–107

DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.4.046

Язык статьи: русский

Downloaded from: <http://onomastics.ru>

ИНСТИТУТ
РУССКОГО
ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

«ХИТРЫЙ МИТРИЙ»: СИСТЕМО-ЯЗЫКОВЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ КОННОТАЦИИ ОДНОГО ЛИЧНОГО ИМЕНИ

Статья посвящена семантической реконструкции языковых единиц, образующих ономио-апеллятивный комплекс с именем *Дмитрий* (включая его варианты: *Митрий*, *Митя*, *Митька*, *Минька*). Это апеллятивные лексемы, имеющие различную референцию (*хитрый Митрий* 'хитрец, пройдоха', *митя* 'бабочка', *митька-зуй* 'птица кулик' и др.), а также именные компоненты фразеологизмов — (*его и*) *митькой звали*, диал. (*его и*) *митька прял* 'о ком-л., внезапно исчезнувшем, сбежавшем' и др. Особое внимание уделяется анализу внутренней формы фразеологизмов: см. также (*его и*) *минькой (минкой) звали*; (*его и*) *витька (ванька) прял*, *кутька (тучка) прял(а)*. Автор излагает существующие гипотезы их происхождения (В. М. Мокиенко, М. Э. Рут и др.) и предлагает собственную интерпретацию. В ее основе — предположение о возможности взаимодействия различных уменьшительных форм имени *Дмитрий* (и, возможно, *Михаил* > *мин(ь)ка*) в рамках одного морфо-семантического поля с разными глагольными основами — *поминать*, ср. *поминай как звали* (версия В. М. Мокиенко), и *минуть*, *миновать*. Этимологизация фразеологизма (*его и*) *митька прял* и его вариантов учитывает омонимию (возможно, гомогенного характера) глаголов *прясть*, *прянуть* и *прясть*, *пряду*, а также многозначность самого устойчивого выражения, которое может описывать разные ситуации пропажи — «динамическую» (исчезнувший — субъект действия) и «посессивную» (соответственно, исчезнувший — объект действия). В данном случае «ключом» к разгадке внутренней

* Исследование выполнено в рамках проекта 34.2316.2017/4.6 («Волго-Двинское междуречье и Белозерский край: история и культура регионов по лингвистическим данным»), поддержанного Минобрнауки РФ.

формы фразеологизма может служить один из его вариантов в дочерних говорах — *кутька прял(а)* (при *кутька* ‘собака, щенок’, ‘курица, цыпленок’), т. е. «исчезнуть = убежать прочь, как курица или собака» (версия М. Э. Рут). В заключении делаются выводы о наличии у личного имени *Дмитрий* системно-языковых (непрецедентных) и культурных (прецедентных) коннотаций, их содержании и возможной проекции в языковом сознании на образ носителя имени.

Ключевые слова: антропоним, личное имя, хрононим, фразеологизмы с именами собственными, апеллативизация, паронимическая аттракция, квазионим, морфосемантическое поле, онимо-апеллативный комплекс.

1. Вводные замечания

С «героем» настоящей статьи автору уже приходилось иметь дело при попытках объяснить внутреннюю форму двух идиом — прост. *митькой звали* ‘о ком-л., внезапно исчезнувшем, сбежавшем’ [ССРЛЯ, 10, 238] и диал. (*его и*) *митька прял* ‘о пропаже, исчезновении кого- или чего-л.’ [СГРС, 7, 302; и др.] [см.: Феоктистова, 2001]¹. Но тогда (признаемся честно) нам не удалось дать более или менее исчерпывающего комментария к фразеологизмам (на что в свое время обратил наше внимание И. А. Подюков [2003]). Это обстоятельство, а также введение в научный оборот ранее неизвестных нам языковых фактов побуждает вновь обратиться к данной теме².

Анализ различных форм любого личного имени, в той или иной степени подвергшихся апеллативизации, или же их омонимов нередко требует рассмотрения их не изолированно друг от друга, а в рамках единого онимо-апеллативного комплекса [см.: Феоктистова, 2016, 92] (иначе — семантико-деривационный комплекс, деривационно-фразеологическое гнездо [Березович, 2014, 14]). Этот комплекс представляет собой морфо-семантическое поле, которое объединяет находящиеся на разных стадиях апеллативизации семантические и семантико-словообразовательные дериваты личного имени как в самостоятельном употреблении, так и в составе устойчивых сочетаний, а также лексемы, возникшие при паронимической аттракции к различным формам имени апеллативных основ и подвергшиеся частичной (квази-)апеллативизации или (квази-)онимизации [см.: Феоктистова, 2019, 64–65]. Степень смысловой близости к личному имени всех этих составляющих онимо-апеллативного комплекса будет напрямую зависеть от их предметной отнесенности единиц (человек, живая / неживая природа и т. д.).

¹ В разных источниках дериват личного имени во фразеологизмах приводится как с прописной, так и со строчной буквы — в целях единообразной подачи материала мы будем указывать его со строчной, имея в виду его переходный — от онима к апеллативу — статус.

² Автор искренне признателен Е. Л. Березович и О. В. Мищенко за возможность обсуждения статьи и ценные замечания, которое мы постарались учесть при подготовке ее к публикации.

Цель настоящей статьи — произвести семантико-мотивационный анализ лексем, входящих в онимо-апеллятивный комплекс с именем *Дмитрий* (включая производные от него формы — *Митрий*, *Митька* и др.), реконструировать те коннотации антропонима, «навязанные» языковой системой или же культурно обусловленные, которые оказались запечатлены в фактах апеллятивной (*vs* проприальной) номинации.

2. Онимо-апеллятивный комплекс с именем *Дмитрий*: предметные сферы и мотивация

Языковых единиц, которые так или иначе могут быть соотнесены с личным именем *Дмитрий*, немного, и распределяются они по двум рубрикам — «Человек» и «Живая природа» («Фауна»), за исключением фразеологизмов (*его и*) *митькой звали*, (*его и*) *митька прял*, именной компонент которых не имеет четкой референции.

«Человек»

Личное имя в конкретно-референтном употреблении зафиксировано в пословице *Дмитрий и Борис за город подрались* [ПРН, 263], в которой, очевидно, идет речь о двух князьях — братьях Борисе Константиновиче и Дмитрие Константиновиче, враждовавших между собой из-за Нижнего Новгорода (XIV в.) (у В. И. Даля с вопросом: «Константиновичи XIV?»). См. также *Дмитрий и Борис за свой огород подрались* [Аникин, 1988, 79].

Устойчивое сочетание (прост.) *хитрый Митрий* ‘хитрец, пройдоха’ [ССРЛЯ, 17, 53]³ можно рассматривать как пример неточной «правой» м-редупликации на основе прил. *хитрый*, при паронимической аттракции к личному имени⁴. В данном случае за счет рифмованного повтора и употребления личного имени в несвойственном ему значении (т. е. по отношению к носителю другого имени)⁵ достигается экспрессивность номинации, необходимая для выражения неодобрительного отношения к хитрецу.

Однако, судя по поговоркам с этими «парными словами», восприятие в народном сознании хитрости может быть разным: от одобрительного (а)

³ В [ФСРЛЯ] приводятся следующие контексты-иллюстрации: «Мастер был молодой, и Тютин смотрел на него сердито: ишь ты, хитрый-митрий. Воспитывай ему разных Сомовых, а он будет руки в брюки ходить» (Е. Катерли, «Бронзовая прялка»); «Да уж, — проворчал Живой, — ты у нас хитрец баб дуришь да детей сиротить. Куда там, нашелся хитрый Митрий, погоди еще радоваться-то, погоди» (Б. Можжев, «Живой»).

⁴ Подробнее об этом типе редупликации, который свойственен сниженному регистру разговорной речи и фольклору, см. [Минлос, 2004, 58–69; Матвеева, 2013, 133–139].

⁵ См.: «любое имя, сознательно употребленное по отношению к человеку, который не является его носителем, приобретает эмоционально-пейоративный смысл; особенно это заметно при употреблении просторечных форм имен» [Успенский, Успенский, 2017, 175; со ссылкой на: Успенский, 1996, 190–191].

до осуждающего (б), иронично-пренебрежительного (в) или уничижительного (г). См.: а) *Хитрый Митрий, простоват Ипат; Митрий живет — славится, у Ипата все из рук валится* [Уваров, 2009, № 49983]; *Хитрый Дмитрий, да (но) и Иван не дурак* [БСРП, 541]; б) *Хитрый Митрий: нашими боками пахнет, на своих отдыхает* [Уваров, 2009, № 49985]; в) *Хитрый Дмитрий: умер, а глядит* [Уваров, 2009, № 49986]; *Хитрый Дмитрий: спит, а видит*⁶ [БСРП, 541]; г) *Хитрый Митрий: насрал в штаны, а говорит — ржавчина ‘о хитром человеке’, ‘дразнилка Мити, Дмитрия’* [Белянин, Бутенко, 1994].

В поговорках имя *Дмитрий* (как, впрочем, и любое другое имя) приобретает обобщенное значение человека как такового — референта (любого) имени (т. е. хитрым может быть не только тот, кого зовут *Дмитрием*). С другой стороны, данное имя наделяется устойчивой (благодаря рифме?) коннотацией хитрости (т. е. «настоящий» *Дмитрий* должен быть хитрым⁷). Судить о наличии или отсутствии отношений производности между рифмованным повтором в самостоятельном употреблении и в составе поговорок, а при наличии таковых — о направлении деривации, не представляется возможным (т. е. можно допускать как одно, так и другое).

Дальнейшее развитие коннотации, связанные с рифмованным повтором *хитрый Митрий*, получают в народном календаре. См. *Дмитриев (Митриев) день* — день великомученика Дмитрия Солунского (26.10/08.11), название которого может совпадать с личным именем — *Дмитрий (Дмитр)*⁸, и относящиеся к этому дню паремии: сев.-рус. *На Дмитрия девки хитры* (стараятся выйти замуж), юж. *До Дмитра девка хитра, а после Дмитра еще хитрей* (выйдя замуж) [РНК, 122, 124]⁹.

⁶ Данные паремии могут иметь иное истолкование, если иметь в виду агионим — имя великомученика Дмитрия Солунского: «глядит» образ святого с иконы. Дмитрий Солунский входит в число тех святых, к кому обращаются (среди прочего) с молитвой об исцелении от слепоты; известна практика, когда больным делали примочки на глаза с добавлением краски, снятой с изображения глаз на иконе святого или на фреске (об этой практике нам сообщила Т. А. Агапкина). В общем контексте представлений о Дмитрии Солунском мотив зрения в паремиях про «зрячего слепого» *хитрого Митрия*, наверное, приобретал особое звучание, но сами паремии вполне могли возникнуть и вне этого контекста.

⁷ Этим отчасти можно объяснить замену одной формы имени (простонар. *Митрий*) на другую (канон. *Дмитрий*), впрочем, варьирование форм одного и того же имени в пословицах и поговорках — явление широко распространенное: ср. *Хитрый Дмитрий, да и Ванька (Иван) не дурак* [БСРП, 541].

⁸ Апеллятивные производные от хронима *Дмитриев (Митриев) день, (Д)митрий* — *дмитриевские морозы, дмитровская оттепель, митрить* ‘символически угощать великомученика Дмитрия Солунского 26.10/08.11’ и др. — приведены в соответствующих статьях [РНК] и здесь нами не рассматриваются.

⁹ Ср.: блр. *Святы Зміцер — ён на ўсіх хіцэр: салалы салодзіць, піва робіць, сыноў жэніць, дачок выдаець*; блр.-полес. *Да Зьмитра деўка хитра, а пасьле Зьмитра хоть ты задницу вытри ёю*; укр. *До Дмитра дівка хитра, а по Дмитрі хоч комин витри*; *До Дмитра дівка хитра, а по Дмитрі хоч за старця, аби не осталось* [СД, 1, 94]. «У восточных славян Дмитриев день отмечал завершение осеннего матримониального сезона, так как только до этого дня (в преддверии рождественского поста и последующих праздников) можно было засылать сватов» [Там же].

С апеллятивными дериватами личного имени и рифмованным повтором *хитрый Митрий*, по-видимому, связано происхождение перифразы (уфим., казан., волж. и др.) *Митькин брат* ‘проходимец, брат дурака и пройдохи’ [Кондратьева, 1983, 75]. Во второй части словарной дефиниции — ‘брат дурака и пройдохи’ — дается (может быть, и не совсем точное) толкование внутренней формы — т. е. такой же, как «дурак» или «пройдоха» *Митька (Митрий)*.

В приведенной дефиниции наряду с пройдохой упоминается дурак, — таким образом, соответствующее значение можно быть реконструировано не только для перифразы *Митькин брат*, но и для личного имени, подвергнувшегося апеллятивизации. Ср. свердл. *митя* ‘нерасторопный, медлительный человек, растяпа’: «Митя он, дурак лопухий» (Сл-Тур.) [СРГСУ, 2, 133; СРНГ, 18, 178]; жарг. воровск. *митюха* ‘рассеянный человек, разиня’, угол. *митёк* ‘глупый человек’ [Отин, 2010, 239–240]. В лексической картотеке Топонимической экспедиции УрФУ есть запись костр. (Парф.) *Митька деревенский* ‘простак’: «Сынок рос, вот и говорила всё: “Или Дмитрий Донской вырастет, или Митька деревенский”». Единичная фиксация, контекстная семантика (речь идет о сыне), включенность гипокористики в оппозицию к полной форме имени, являющегося прецедентным, наводят на мысль о том, что имеется в виду какой-то реальный носитель имени *Дмитрий*. Ср.: *Сам Ванька, а Ивана представляет* [ФСРГС, 150]; *Дома-то Дёма, а в гостях Дементий*: «“Ванька, подай хлеба”. — “Не Ванька, а Иван Савельевич. Дома-то Дёма, а в гостях Дементий”» [ФСГНП, 1, 221]. Формулировка значения ‘простак’ для *Митька деревенский* может быть «наведена» подобными коннотациями у прил. *деревенский*, актуализация которых происходит в сочетании с диминутивом (*Митька*) (ср. коми рус. *ванька сельский* ‘хвастун’ [Там же, 120]). Вместе с тем исходная локативная семантика атрибутива также присутствует — благодаря оппозиции с оттопонимическим прозвищем (*Митька*) *деревенский* — (*Дмитрий*) *Донской*.

Записанное в свердловских говорах *митя* ‘нерасторопный, медлительный человек, растяпа’ можно поставить в один ряд со свердл. *акулина*, *акулюшка*, *акуля* ‘рассеянный, нерасторопный, неумелый человек’ [СРГСУ, 1, 26]; *алёша* ‘рассеянный, нерасторопный, бестолковый человек’ [СРГСУ-Д, 9]; влад. и др. *алюна* ‘о неловком, неповоротливом, несметливом, ленивом человеке’ [СРНГ, 1, 247]¹⁰; яросл. *груня* ‘о нерасторопном, глуповатом человеке’ [ЯОС, 3, III]. Данные лексемы приводятся в статье И. В. Родионовой [2005, 163–164], где на обширном материале русских народных говоров представлена идеографическая классификация нарицательных существительных, производных от личных имен (или таких субстантивов, для которых не исключено отыменное происхождение).

¹⁰ Однако комментарий «с присловицею “разверёна”, а иногда и “запалёна”» подсказывает рифму и иную огласовку имени — *алёна* — *разварёна* (*запалёна*).

Свердл. *митя*, таким образом, могло возникнуть под действием системного фактора при обозначении «типичного» объекта языковой (антропонимической) номинации или могло войти в узус благодаря действию этого фактора, при забвении референта имени — обладателя тех самых, негативно воспринимаемых, характеристик человека.

В рамках версии системно-языковой мотивации *митя* ‘нерасторопный, медлительный человек, растяпа’ встает вопрос о причинах выбора имени — априори в качестве таковых можно предположить частотность имени и/или сближение имени с каким-либо созвучным ему апеллятивом. Однако данных о частотности имени *Дмитрий* на территории Свердловской области у нас, к сожалению, нет¹¹, как нет и очевидных паронимов имени в апеллятивной лексике. Обращает на себя внимание свердл. (В-Тур.) *промиться* ‘не попасть в цель’ [СРГСУ, 5, 30], но для него возможна как прямая, так и обратная зависимость от деантропонима.

И. В. Родионова рассматривает деантропоним *митя* в качестве производящей основы для *промиться* при аттракции к *прометиться* — свердл. (В-Тур.) ‘промахнуться’ [СРГСУ, 5, 30], влад., карел., арх., свердл., сев. ‘не попасть в цель, промахнуться’, костр. ‘ошибиться, оплошать’ [СРНГ, 32, 185], учитывая общность территории распространения и модель образования префиксального глагола от деантропонима [Родионова, 2004, 72–73]. Действительно, *митя* и *промиться* / *прометиться* зафиксированы соответственно в Верхнетурском и Слободотуринском районах Свердловской области, расположенных в верховьях и среднем течении р. Тура. В качестве репрезентантов указанной модели, помимо *промиться*, И. В. Родионова приводит, в частности, твер. *дёмить* ‘лукавить, обманывать’ и *дёма*, *дёмка* ‘обманщик, плут’ [СРНГ, 7, 349] (от *Дементий* / *Демид* / *Демьян* [Суперанская, 97], при аттракции к *демон*); ряз. *елесить* ‘льстить, заискивать, угодничать’ и *елеса* ‘льстец’ [СРНГ, 8, 340] (от *Елисей*, при аттракции к *лесть*); нижегор. *объемелить* ‘обмануть, провести’ и морд. рус. *емеля* ‘недалекий, несообразительный человек’ [СРГМ, 2, 111]¹² и др. Другие примеры вербализации собственно личного имени можно найти в статье С. М. Толстой, в том числе известные с детства «дразнилки»: «Дядя Коля всех заколет, переколет, выколет»; «Тетя Женя всех поженит, переженит, выженит»; «Дядя Боря всех поборет, переборет, выборет» и др. [Толстая, 2008, 717]. С. М. Толстая отмечает близость подобных конструкций, «стирающих грань между именем и глаголом», к магическим формулам, широко используемым в заговорах, загадках и других фольклорных текстах.

¹¹ О региональной специфике именования мужского и женского населения, в том числе о частотности имен на разных территориях, см., например, [Бондалетов, 1976; Чайкина, 2004].

¹² В последнем случае глагол скорее образован непосредственно от имени фольклорного персонажа, который не лишен плутовства, несмотря на этакую свою простоватость.

Однако в отличие от приведенных выше отыменных глагольных основ — *дёма, елеса, емеля* — лексема *митя* не имеет очевидных коннотаций, которые могли бы объяснить как саму эту номинацию, так и образование от нее глагола; *промиться* же вполне может оказаться фонетическим вариантом глагола *прометиться* (от *метить(ся)*, восходящего к праслав. **mětiti* [ЭССЯ, 18, 222]), который отражает присущее среднеуральским говорам «иканье». Отсутствие непреодолимой границы между именем и глаголом в фольклорных и других, основанных на языковой игре текстах наталкивает на мысль о возможности «обратной деривации» (или редеривации) в паре *митя* — *промиться*, т. е. о производности имени от глагола, а не наоборот. В таком случае *митя* следует рассматривать как имя «деятеля» («тот, кто не попадает в цель, промахивается», ср. словарную дефиницию: ‘нерасторопный, медлительный человек, растяпа’), которое возникло при паронимической аттракции к диминутиву личного имени.

«Ж и в а я п р и р о д а»

Сюда относятся яросл. *мити-мити* ‘подзывные слова для овец, ягнят’ [ЯОС, 6, 48]; свердл. *митя* ‘бабочка’ (Тал.) и *митька-зуй* ‘птица кулик’ (Шал.) [СРГСУ-Д, 300]¹³.

В статье [Феоктистова, 2001] мы указывали на связь энтомосемизма *митя* с гнездом глагола *мести, мету*: ср., к примеру, *метелёк, метляк, метлячок* ‘мотылек, бабочка’ в Слободо-Туринском районе Свердловской области, граничащем с районом фиксации *митя* ‘бабочка’ (Талицкий р-н Свердловской обл.). Об аттракции последнего к наименованиям мотылька, бабочки, образованным от глагола *мести*, пишет и Ю. А. Кривошапова [2007, 97].

Очевидно, сходную с *митя* ‘бабочка’ мотивацию имеет и записанное в тех же свердловских говорах *митька-зуй* ‘птица кулик’, см. диал. *зуй, зук* ‘общее название куликов разных видов, особенно перевозчик, юркий’; *вертится как зуй*; «кулик *вертун*, зук, садясь на воду, кружится и вертится во все стороны»; *зуйть(ся)* ‘суетиться, метаться туда, сюда’ [Даль, 1, 696] (разрядка наша. — Л. Ф.).

Яросл. *мити-мити* ‘подзывные слова для овец, ягнят’ вписываются в антропоморфную модель номинации животных как в проприальной лексике (зоонимы), так и в апеллятивной; в последнем случае выбор имени также диктуется его частотностью (ср. яросл., свердл., ср.-приирт. *кати-кати* ‘подзывные слова для овец’ [СРНГ, 13, 127], яросл. *маши-маши* ‘то же’ [ЯОС, 6, 37] и мн. др.) либо действием паронимической аттракции (ср., например, *борька* арх., нижегор. ‘баран’, свердл. ‘боров’ [СРНГ, 3, 123]).

¹³ См. контексты: «Митя, митя, сядь на зеленую кровать»; «Митька-зуй — кулик это, обзывают, что ли».

3. Семантико-мотивационная реконструкция фразеологизмов (его и) митькой звали, (его и) митька прятл

За рамками рассмотренных предметных сфер «Человек» и «Живая природа» остались, как говорилось выше, фразеологизмы *(его и) митькой звали*, *(его и) митька прятл*, именной компонент которых не имеет четкой референции ни на синхронном уровне (поскольку он может обозначать пропажу не только живого существа, но и предмета), ни в диахронии (ввиду неоднозначности мотивации имени).

(Его и) митькой звали

Фразеологизм *митькой звали* ‘о ком-л., внезапно исчезнувшем, сбежавшем’ дается в [ССРЛЯ, 10, 238] с пометой «прост.» и следующими иллюстративными контекстами: «Митькой звали, фить, сыпь ему на хвост соли» (Горбатов, «Мое поколение»); «Куда уехали — не знаю. А когда — могу сказать. Только что сундуки склади на подводу — и Митькой звали» (А. Иванов, «Повитель»). В то же время это устойчивое выражение фиксируется и многими диалектными словарями [ПОС, 12, 280 (пск.); СРГК, 3, 241–242 (влг., карел., новг.); СРГС, 1/2, 238 (новосиб.); СРНГ, 18, 178 (астрах., влад., тул.); ЯОС, 6, 48 (яросл.)]. Они расширяют сведения о референции и речевой ситуации употребления данного фразеологизма, см., в частности: «Я ему: “Миша, Миша”, — а его уже Митькой звали» [СРГС, 2, 238]; «Приехали — а мои ставы-то уже и митькой звали, подобрали соседи» (Пл.) [ПОС, 18, 254]. В псковских говорах наряду с формой *митька* в составе фразеологизма отмечены *минька* — «Пришли с покоса, а вас уже и минькай звали»; «Яны скорь уедуть, кък придёт субота, и минькый звали» (Остр.) [ПОС, 12, 280]; *минка* — «Все меня ищут, всем я нужна, а меня минкой звали. Минкой звали: тут был, тут и есть! И ключи и всё даденые, а тут и всё, и минкой звали (уехали)» [Королева, 1, 121].

В. М. Мокиенко считает, что происхождение идиомы *(его и) митькой звали* — первоначально *минькой звали* — связано с выражением *поминай как звали* («как ответная реплика на подразумеваемый в нем вопрос»), и *помин простыл, и помину нет*, при этом выбор имени *Минька* (уменьш. от *Михаил*) обусловлен аттракцией к глаголу *помянуть*; вариант с именем *Митька* (уменьш. от *Дмитрий*) возник позднее [СРФ, 380; РФ, 436]¹⁴. Эту версию как будто подтверждает укр. *митькой поминай!*, которое Е. С. Отин приводит в качестве лексической параллели к рус. прост. *митькой звали* [Отин, 2010, 240; со ссылкой на: Номис, 1864, 40]. Однако оно могло возникнуть как вследствие универбации вопросно-ответной формулы, так и в результате контаминации двух устойчивых выражений. Ср. также

¹⁴ Вместе с тем можно усмотреть и связь мотива называния по имени непосредственно с именем *Дмитрий*, если вспомнить известный сюжет отечественной истории про погибшего царевича Дмитрия и выдававших себя за него самозванцев.

употребление фразеологизмов в одном контексте: «Митькой звали — поминай, как звали» [СРГК, 3, 241–242], — но здесь оно обусловлено скорее попыткой информанта истолковать один фразеологизм через другой — более известный, а значит, наверняка и более понятный собеседнику (собирателю). Аналогично этому толкуется и укр. *митькой поминай!* ‘то же, что *і слід пропав, шукай (лови) вітра в полі! поминай, як звали*’ [Номис, 1864, 40; цит. по: Отин, 2010, 240]. В то же время нельзя не учесть, что называние по имени как раз и обнаруживает чью-либо пропажу и/или позволяет убедиться в этом. Ср. контекст выше, в котором сопрягаются реальное имя человека и игровое «квазимия»: «Я ему: “Миша, Миша”, — а его уже Митькой звали» [СРГС, 2, 238]¹⁵.

В статье [Феоктистова, 2001] мы также указывали на возможную связь фразеологизма (*его и митькой звали* — как коррелятивной пары к *поминай как звали* — с хрононимом *Дмитриева суббота*, который обозначает поминальный день накануне *Дмитриева дня* (26.10/08.11). Это один из важнейших поминальных дней осенне-зимнего цикла. См., например: «Родных необходимо помянуть четыре раза в год: в Мясоедные родители, в Новский вторник, в субботу под Троицу, в Дмитровские родители» (ряз.) [РНК, 125]. В «Архангельском областном словаре» в статье на *Егорей (Егорий)* приведена форма *Митька* как обозначение персонифицированного хрононима *Дмитриев день* в составе приметы: «Митька — в лотке, Йегорий — на санках, — долго весной не сойдёт снег» (с комментарием составителей словаря: «Если в день св. Димитрия, 8 ноября, реки еще не встанут, то в день св. Георгия, 6 мая, реки не вскроются, т. е. будет поздняя весна») [АОС, 13, 26]. Однако это единичная фиксация, уменьшительная форма может быть обусловлена неточной рифмой (хотя второй хрононим совпадает с полной формой личного имени), более того, в «Русском народном календаре» нет ни одной его фиксации в форме диминутива. Но даже если допустить возможность употребления гипокористики в функции хрононима, то обосновать логику переноса имени с дня памяти об умерших на того, кто быстро скрылся из виду, все же затруднительно.

Создание рифмованного «повтора» *поминай (как звали) — митькой (звали)* больше напоминает языковую игру с вербализацией имени, о которой шла речь выше, только здесь, наоборот, следует допускать номинализацию глагола (следую

¹⁵ Языковая игра в данном случае, по-видимому, является следствием психологической реакции говорящего (субъекта номинации) на неожиданность произошедшего, точнее тех трудностей, которые связаны с осознанием этой ситуации. Способы же языкового (номинативного) обыгрывания могут быть различными: от рифмизации отдельных слов в составе фразеологизма, в том числе имен (ср. перм. *ну и черт с им, что пропал Максим* ‘об отсутствии сожаления, об утрате интереса к кому- или чему-л.’ [СПГ, 2, 529]), до создания фразеосемантических «парадоксов», иронически описывающих заведомо неправдоподобные ситуации, которые могли стать причиной перемещения в пространстве или длительного отсутствия где-либо — ср. арх. *взял безрукой* ‘исчез в неизвестном направлении (о чем-н. пропавшем)’ [АОС, 4, 83]; перм. *утонуть на сухом берегу* ‘исчезнуть, долго не появляться где-л.’ [СПГ, 2, 484] [примеры взяты из: Феоктистова, 2003].

этой логике, *минька* — «тот, кого (вс)поминают»). С. М. Толстая приводит многочисленные примеры подобной номинализации в различных фольклорных текстах (пастушеских песнях, свадебных причитаниях, заговорах); пожалуй, ближе всего к языковому узусу именные девербативы в загадках. Ср. загадки о свинье: «*Ходя* ходит, *виса* висит, *виса* пала, *ходя* съела»; «Стоит *стоюта*, висит *висюта*; пришла Аксюта [свинья], покачнула *стоюту*; упала *висюта*, съела Аксюта» [Садовников, 1959, 120, № 933, 934; цит. по: Толстая, 2008]. В структурном отношении любопытную параллель к предполагаемому девербативу *минька* представляет енис. *нетком звать* 'об исчезновении кого-л.': «Мишку нетком звали» [СРНГ, 21, 175], при енис. *на нетку (спустить)* 'на нет свести' [Там же], др.-рус. *нѣтъ*, *нѣтъчикъ* 'не находящийся на лицо' [Срезневский, 2/1, 489], рус. устар. *в нетях (нетех) быть* 'отсутствовать, находиться неизвестно где' [СРФ, 402].

Если допускать отглагольную природу лексемы *минька* в составе фразеологизма¹⁶, то следует иметь в виду возможность ее сближения с другим созвучным глаголом (не только *поминать*) — ср. *минуть (миновать)*. С этой точки зрения заслуживает внимания зафиксированная в тех же, что и *минька*, псковских говорах лексема *минка* — «Все меня ищут, всем я нужна, а меня минкой звали. Минкой звали: тут был, тут и есть! И ключи и всё даденые, а тут и всё, и минкой звали (уехали)» [Королева, 1, 121]. Во многих контекстах-иллюстрациях к рассматриваемым фразеологизмам говорится об отъезде того, кого впоследствии и именуют *минькой (митькой)*. Ср. употребление в близком к пропаже как перемещению в пространстве, но более абстрактном значении прекращения существования новг., карел. *миновать* 'уйти в прошлое, исчезнуть, умереть': «Бабок нет таких, миновали, раньше-то были»; «Теперь брахоловки в городе нет — миновали» [СРГК, 3, 241], влг. *миноваться* 'утратиться, исчезнуть, пропасть': «Память-то у бабушки вся миновалась» [КСГРС; СВГ, 4, 85]. Данная модель является одной из наиболее продуктивных при номинации пропажи, исчезновения: ср. литер. *отойти* 'стать незаметным, исчезнуть; сойти' (*пятно отошло*), 'умереть' [СРЯ, 2, 696], *пройти* 'перестать ощущаться, исчезнуть' [СРЯ, 3, 492], *сойти* 'исчезнуть, пропасть (о румянце, улыбке и т. п.)', *уйти* 'пропасть, исчезнуть, утратиться' [СРЯ, 4, 186, 477–478] (подробнее о модели перемещения в пространстве см. [Феоктистова, 2007]).

Форма *минка* (см. пск. *минкой звали* выше) приводится в «Словаре народных форм русских имен» А. В. Суперанской [2010, 205] как уменьшительная форма к ряду имен, из частотных — *Михаил*. В псковских говорах записан также фразеологизм с образованным от этого диминутива притяжательным прилагательным: *пропасть как в Минкин мех* 'бесследно исчезнуть': «Пропадёш, как ў Минкин мех» (Нев.); «Пропап як ў Минкин мех, ета приуговорка такая» (Нев.) [ПОС, 18, 198],

¹⁶ Ср. версию Ю. А. Гвоздарева о том, что выражение *минькой звали* — результат персонификации отвлеченного понятия «помянуть» [РФ, 436].

в статье на *мех* ‘то же, что мешок (вместилище в виде большой сумы из грубой ткани для хранения и переноски чего-л.)’ [ПОС, 18, 93]. Употребление *минкин мех* с глаголом *пропасть* и семантика фразеологизма указывают на возможность языковой игры с созвучными именем и глаголом (*минка* < *минуть*, *миновать*)¹⁷.

Сходным с *минька*, *минка* образом может быть истолкована и форма *мицька*, т. е. как именной девербатив, который возник при паронимической аттракции уменьшительной формы личного имени к глаголом *мести*, *мету*. Ср. прост. *выметать* (кого-л.) ‘заставлять уйти, устранять’ [ССРЛЯ, 2, 1106–1107], влг. *заместись* ‘пропасть’, арх. как *Фома смел* ‘совсем ничего, как корова языком слизнула’ [КСГРС]. В загадках именем *Мицька* обозначается веник — «Туда Митя, сюда Митя, и под лавку ушел» [ПРН, 600], а также вязья у саней — «Десять стаканов да пять пятиканов, Да Мицька, да Савка, да две Пелагейки» (сани с копыльями, вязьями и полозьями) [Подюков, Черных, 2012, 146]. В одном из сказов ивановских ткачей мальчик *Митряшка* помогает горностайке распутать мотки пряжи, в которые превращаются «спутанные» м е т е л ь ю сугробы [Гура, 1997, 220–221].

Итак, фразеологизм (*его и*) *мицькой* (*минькой*, *минкой*) звали, скорее всего, возник под влиянием устойчивого выражения *поминай как звали* (здесь мы разделяем точку зрения В. М. Мокиенко), подвергшегося языковому обыгрыванию: тот или то, что пропало, наделяется другим, не свойственным ему именем. Это квазиимя тождественно диминутиву какого-либо личного имени — *мицька* (< *Дмитрий*) / *минька* / *минка* (< *Михаил*), — но имеет глагольную природу, т. е. по сути является девербативом: *минка* / *минька* < *помянуть* или *минуть*, *миновать*, *мицька* < *метнуться*. Данными именами кодируется либо изменившийся статус объекта номинации («поминай как звали»), либо способ его изменения — перемещение в пространстве. Варьирование именных компонентов фразеологизма может быть обусловлено рядом причин (одной из них или несколькими сразу). Следует учитывать:

а) свойственное антропонимикону варьирование уменьшительных форм одного и того же имени: *минька* — *мицька*;

б) близость форм разных имен: *минька* — *минка*;

в) их частотность — неслучайно наиболее распространен вариант фразеологизма с именем *мицька*, которое, как представляется, более частотно по сравнению с *минька* или *минка*;

г) влияние языка фольклора: в данном случае имеется в виду функционирование в загадках все того же имени *мицька*, что также могло повлиять на распространенность соответствующего варианта фразеологизма.

¹⁷ Вместе с тем не очень понятно «буквальное значение» фразеологизма (что значит «пропасть (как) в мешок?»). Обращает на себя внимание нетипичное управление при глаголе (вин. п. вместо предл. п.), как и сочетаемость глагола с сущ. *мех*: ср. пск., новг. и др. *провалиться* (*попасть*, *пропасть*, *кануть* и т. п.) как в камский (канский) *мох* ‘пропасть, исчезнуть надолго’ (см. подробнее географию и источники в [Васильев, 2012]).

(Его и) митька прял

В некоторых русских говорах встречается устойчивое сочетание (*его и*) *митька прял*: арх. (Он.) 'об отсутствии кого-л.' [КСГРС], арх. (Карг.), карел. (Пуд.) 'исчезнуть неожиданно, быстро' [СРГК, 3, 241–242]; коми рус. 'кто-л. незаметно ушел, исчез' [ФСГНП, 1, 405]; влг. (Выт.) 'о том, кто навсегда уедет' [СРГК, 5, 340]; влг. (Гряз., Кад.) 'о пропаже, исчезновении кого- или чего-л.' [СГРС, 7, 302]; влад., влг. (Вашк.) 'об убежавшем, исчезнувшем человеке' [СРНГ, 18, 178]; яросл., костр. (Парф., Шар.), перм. 'то же' [ЯОС, 6, 48; ЛКТЭ; ФСПГ, 6¹⁸] (выборочно контексты приводятся ниже).

Данный фразеологизм можно было бы рассматривать как еще один, региональный, вариант прост., диал. (*его и*) *митькой звали*, учитывая в первую очередь общность именного компонента и тождество семантики. Оба фразеологизма зачастую отмечаются на одной и той же территории (влад., влг., карел., яросл.), но это не так показательно ввиду отнесенности (*его и*) *митькой звали* к просторечию: каким бы ни был социолингвистический статус этого фразеологизма, его фиксация в словарях литературного языка удерживает лексикографов от включения в диалектные словари, построенные по дифференциальному принципу, а значит, мы имеем весьма неполные ареальные сведения о нем.

В то же время есть несколько устойчивых выражений с глаголом *прясть* в форме прошедшего времени и с варьирующим именным компонентом. Они образуют два ареала — севернорусский и костромской, которые частично совпадают с областью распространения идиомы (*его и*) *митька прял*:

— влг. (Выт.) *витька прял* 'о том, что все забыто' [СРГК, 5, 340]; ленингр. (Подп.) *ванька прял* 'о внезапном исчезновении кого-л.' [СРГК, 1, 161]¹⁹ (Вытегорский район Вологодской области и Подпорожский район Ленинградской области граничат друг с другом);

— костр. (Шар.) *кутька прял(а)* 'о ком-, чем-л., внезапно исчезнувшем'; примечательно, что в одном из контекстов лексемы *кутька* и *митька* оказываются рядом: «Кутька прял, митька прял — нет его если, если куда убежал»²⁰ [ЛКТЭ].

Есть еще костр. (Шар.) *тучка пряла* 'о туче, унесенной ветром' [Там же], однако оно, на наш взгляд, довольно сомнительно, учитывая единичную фиксацию и толкование, явно наведенное контекстом: «Тучка пряла, тучка пряла, ветром унесёт её, так и сдует. Да, можно и к тучке применить, сдуло её». Сам же контекст

¹⁸ Во «Фразеологическом словаре пермских говоров» К. Н. Прокошевой фразеологизм упоминается во вступительной статье, но соответствующей словарной статье нам, к сожалению, найти не удалось.

¹⁹ См. контексты: «Ничего не знаю, витька прял»; «А с мужиком разошлась, ушел на работу, да и ванька прял».

²⁰ См. также: «Ну, убежал, как кутька пряла»; «Ух, ускакал, уж кутька прял»; «Был и нету, как кутька пряла»; «Кутька пряла, нету ручки! Чёрт-чёрт, поиграй да отдай!»; «Чего-то лежало, и своровали — ну, скажут, кутька пряла».

обнаруживает скорее метаязыковую рефлексивность информанта, а не уверенное знание языкового факта и, возможно, является ответом на плохо расслышанный вопрос собирателя об идиоме *кутька прял(а)*. Субституция [к] — [т], [т'] — [ч] выглядит вполне закономерной и встречается как в говорах, так и в индивидуальном произношении при наличии тех или иных патологий речевой деятельности.

В севернорусском ареале наблюдается уже отмечавшееся варьирование созвучных имен (*митька* > *витька*) и замена на более частотное (*митька* > *ванька*), что стало возможным вследствие утраты квазиименем *митька* в составе фразеологизма связи с глаголом *метнуться*. В отличие от лексемы *митька*, возникшей при паронимической аттракции глагола движения к уменьшительной форме личного имени, *витька* и *ванька* в составе фразеологизма — деантропонимы, т. е. подвергшиеся апеллативизации личные имена, причем *витька* — это скорее окказионализм, тогда как *ванька* — узуальная номинация. Ср.: вят. *иван* 'именование ребенка мужского пола до крещения' [ОСВГ, 4, 211], коми рус. *маша не чешишь и вая не царайся* 'о чем-л., сделанном очень хорошо' [ФСГНП, 1, 397] (другие примеры реализации в апеллативной лексике частного категориального компонента семантики личного имени — «человек» — см. в [Феоктистова, 2016, 94–95]).

В костромском ареале именной компонент рассматриваемого фразеологизма представлен нарицательными существительными не отономастического, а отапеллативного происхождения — *тучка* и *кутька*. М. Э. Рут сопоставляет вторую из этих лексем со словом *кутёнок* 'щенок' (с пометой «обл.») [ССРЛЯ, 5, 1900] (см. костр. (Чухл., Галич., Парф.) *кутёнок* 'щенок' [СГКЗ, 184–185]), а также с костр. (Вохом.) *кутька* 'курица' [ЛКТЭ] (подробнее см.: [Березович, Рут, 2016, 82]). Добавим к этому, что в материалах [ЛКТЭ] *кутька* в значении 'курица' фиксируется в Вохомском районе Костромской области, который граничит с Шарьинским районом, где и зафиксировано устойчивое выражение *кутька прял(а)*, а в вятских говорах есть *кутька* 'собака', 'кобель; щенок' и 'цыпленок' [ОСВГ, 5, 162].

Что касается формы прошедшего времени *прял(а)* в составе рассматриваемых фразеологизмов, то применительно к арх., карел., ленингр., влг. (*его и*) и *митька прял* мы ранее допускали возможную связь как с глаголом *прять*, *пряду*, так и с глаголом *прять*, *прянуть* (устар. 'прыгнуть, быстрым, резким движением устремиться куда-л.' [СРЯ, 3, 523]) [см.: Феоктистова, 2003]. Омонимия глаголов *прять*, *пряду* и *прять*, *прянуть* может быть следствием их родства. О. Н. Трубочев возводит праслав. **presti* 'прести' к и.-е. **sprend(h)*- 'сделать быстрое, резкое движение, рвануть, прыгнуть', отмечая, что при прядении из кудели достаточно быстрым движением левой руки вытягивались несколько волокон [Трубочев, 1966, 92–93]. Ю. В. Откупщиков с подобным обоснованием не согласен [см.: Откупщиков, 1967, 135], справедливость его возражений признается составителями [ESJS, 12, 710]. Согласно другой версии, праслав. **presti*

восходит к и.-е. **(s)prend-* ‘напрячь, напрягать, натягивать, тянуть’, а значение ‘прясть’ объясняется самим фактом вытягивания волокон с одновременным их ссучиванием [Там же].

С ткаческим термином форма прошедшего времени *прял(а)* в составе фразеологизма (*его и*) *митька (кутька) прял (пряла)* соотносится в одном из контекстов: «Позвонила, а тебя митька прял. Значит, нету её. Разве будет Митька долго сидеть за прялкой?» (Он.) [КСГРС]. Однако этот контекст скорее отражает метаязыковую рефлексию информанта (других подобных контекстов нет).

И. А. Подюков обращал наше внимание на несоответствие субъекта действия — референта мужского личного имени — гендерной ориентации самого действия (типично женского) как на возможную причину чьего-либо исчезновения и на генерационную семантику прядения [Подюков, 2003]. «Возможность использования идеи прядения-созидания (продуцирования) для представления исчезновения (как инверсирование этой идеи) показывает уральское *мышь напярла* ‘о полном отсутствии чего-л., кого-л.’, где генерационная деятельность перепоручена животному, мифологические характеристики которого заключаются в близости к потустороннему миру и смерти (ср. также урал. *пишиш-мышь* ‘о полном отсутствии’, перм. *мышь голову отъела* ‘о смерти’)) [Там же].

Анализ контекстной семантики обнаруживает две возможные позиции для исчезнувшего — субъекта и объекта действия, см.:

а) субъект действия: «А он вдруг вскочил и побежал, о нем скажут, **как митька прял**»; «Ой, митька прял, если стоишь в компании, а кто ушёл. Фффить — и убежал. *Митька прял* — ходко убежал, убёг да и всё»; «Ну, убежал, **как кутька пряла**»; «Ух, ускакал, уж *кутька прял*»²¹;

б) объект действия:

— человек: «Соскочил, убежал, и *митька прял*, **его и митька прял**, так вот»; «Убежал куда-то — вот, говорит, *митька прял его* уже, только *митька прял*»; «“А **его и митька прял**” — то есть он исчез быстро, нет его»; «Ну **его и митька прял**, не увидишь теперь»; «Я его ругаю, а **его уж митька прял**»; «Огрянулись, а **его уж митька прял**, нет его уже, ушёл»; «Пришла к нему, а **его митька прял**»; «Не успеешь выпустить, а **ее уж митька прял**»; «Позвонила, а **тебя митька прял**. Значит, нету её. Разве будет Митька долго сидеть за прялкой?»; «**Ваську митька прял**: наелся — и до свидания»;

— предмет: «Пропадёт **чего** у меня — так **как митька прял!**»; «Если нету **чего-либо**, то говорят: “*Митька прял*”»; «**Чего-то** лежало, и своровали — ну, скажут, *кутька пряла*»; «Было где-то **масло** — и *митька прял*»; «Сегодня не награбила **улей**: ушла на озеро, а пришла — уж *митька прял*».

²¹ Здесь и далее в списке все контексты извлечены из словарных статей к рассматриваемым фразеологизмам; ссылки на словари были даны выше, паспортизацией контекстов мы решили пренебречь ради удобства чтения и сокращения общего объема публикации.

Однако в некоторых случаях эти позиции, за неимением каких-либо лексических маркеров, разграничить невозможно, ср., например: «Чуть чего — быстро убежу, дёрну — и нету! И кричат: “О, только что был — и митька прял!”»; «Был, был, убежал — и митька прял»; «Он всегда так, митька прял, только что был здесь»; «Был — и нет человека, исчез внезапно — как митька прял»; «Раз — и нету человека: ой, митька прял»; «Был и нету, как кутька пряла»; «Кутька прял, митька прял — нет его если, если куда убежал»; «А с мужиком разошлась, ушел на работу, да и ванька прял»; «Ничего не знаю, витька прял».

Ситуацию, где субъектом действия выступает сам исчезнувший, лучше, конечно, описывает глагол *прясть*, *прянуть*; обращает на себя внимание и то, что, как правило, речь идет именно о быстром уходе или бегстве. Этой точки зрения придерживается М. Э. Рут: «не лишена смысла гипотеза об участии в приведенных идиомах глагола *прянуть*. Выражение *тучка пряла* тогда оказывается вполне прозрачным, что ощущается и в иллюстрирующем выражение контексте («Тучка пряла, тучка пряла, ветром унесёт её, так и сдует». — Л. Ф.). В идиоме *кутька прял(а)* достаточно отчетливо видится образ молодого животного (например, щенка <...>) или птицы, внезапно прыгнувшей или улетевшей прочь» [Березович, Рут, 2016, 82]. Ср. прост. *улетела птичка!* ‘говорится, когда кто-л. только что был здесь и исчез’ [Козлова, 2001, 84].

Какова в таком случае внутренняя форма (*его и*) *митька прял*? Учитывая более узкую географию данного фразеологизма по сравнению с (*его и*) *митькой звали* и функционирование на одной и той же территории, можно предположить, что первый из них мог быть создан на основе второго, не исключено, что с целью конкретизации его внутренней формы: *митька метнулся* = *пря(ну)л*. Способ фразеоминативации в таком случае будет сходен с тем, с помощью которого образовано (*его и*) *митькой звали*, — через игровую вербализацию имени, но посредством сближения не с самим созвучным имени глаголом, а с глаголом-синонимом. Сходство внутренней формы «производного» (*его и*) *митька прял* с «производящей основой» (*его и*) *митькой звали* может служить дополнительным аргументом в пользу отглагольного происхождения именного компонента в исходном фразеологизме.

В костромском ареале десемантизация отглагольного квазиимени *митька* ведет к его лексической замене и трансформации образной составляющей фразеологизма: не *митька*, а *кутька* (см. выше ‘собака’, ‘кобель; щенок’ и ‘цыпленок’) *прял(а)*, ср. урал. *мышь (на)пряла*.

Вместе с тем подобная замена могла произойти и при истолковании (ретимологизации) *митька* не в связи с глаголом *метаться* непосредственно, а с каким-либо из производных от него существительных: ср. рассматривавшиеся выше яросл. *мити-мити* ‘подзывные слова для овец, ягнят’ [ЯОС, 6, 48]; свердл. *митя* ‘бабочка’ и *митька-зуй* ‘птица кулик’ [СРГСУ-Д, 300]. Ареал фразеологизма включает и ярославские говоры, где отмечены подзывные слова для ягнят

(в качестве таких слов, как известно, используются нарицательные обозначения самих домашних животных). В псковских говорах лексема *метелёк* ‘бабочка’ (откуда *митя* ‘бабочка’) зафиксирована в составе устойчивых сочетаний, которые репрезентируют так же, как и *кутька прял(a)*, образ стремительного движения, полета, но не птицы, а насекомого. См. шутол. *бегать что метелёк* ‘о быстро, проворно и легко передвигающемся человеке’: «Што митилёк дед бегал»; шутол. *полететь как метельком* ‘о быстро и проворно бегущем человеке’: «Если убигаиш быстра, гаварят, политёл как митильком» [ПОС, 18, 187–188]. Однако слабым звеном гипотезы сближения лексемы *митька* в составе идиомы с фонетически тождественным ему энтомосемизмом является отсутствие фиксации последнего на территории распространения устойчивого сочетания или рядом с ней.

В целом ряде контекстов, иллюстрирующих употребление фразеологизмов (*его и*) *митька прял*, (*его и*) *кутька прял(a)*, исчезнувший (-ее), как говорилось выше, оказывается не субъектом, а объектом действия. В идиоме (*его и*) *митька прял* А. В. Юдин (устное сообщение) усматривает эвфемистическую замену выражения *черт взял (побрал)* и соотносит имя *Митька* с распространенными именами нечистого в русских заговорах и быличках — *Антипка*, *Павлушка*, *Мишка* и др. Ср. контекст: «Кутька пряла, нету ручки! *Чёрт-чёрт*, поиграй да отдай!». Но ни один из омонимов *прясть* — ни ткацкий термин, ни глагол движения — напрямую с семантикой захвата, «взятия» чего-либо не соотносятся (то, что при прядении из кудели вытягивается несколько волокон, вряд ли может дать импульс к переосмыслению терминологического значения).

Вместе с тем, наверное, и не обязательно пытаться найти такое истолкование внутренней формы фразеологизма, которое бы исчерпывающе объясняло субъектно-объектные отношения в различных ситуациях внезапной пропажи кого- или чего-либо. Использование мужского личного имени изначально накладывает ограничения на референцию устойчивого сочетания. Ср. применительно к субъекту действия (тому, кто исчезает): «А где *она?* — *Митька прял*, уж убежала»; «Придут, поживут, да и уедут — *митька прял*» (в первом случае рассогласование по роду (гендерной принадлежности), во втором — по числу). Ограничения на сочетаемость снимаются через сравнение ситуации-означаемого с ситуацией-означающим (см. выше контексты с союзом *как*) и при постепенном забвении исходного образа. Это, в свою очередь, обуславливает развитие у фразеологизма «посессивной»²² семантики ‘теряться, пропадать’ под влиянием многозначных глаголов *исчезать*, *пропадать*. Ср. разг. *исчезать* ‘быстро или незаметно уходить, улетать, удаляться’, ‘теряться, пропадать’ [ССРЛЯ, 5, 580–582], *пропадать* ‘исчезать неизвестно куда, быть неизвестно где || теряться, не обнаруживаться (вследствие кражи, небрежности)’ [ССРЛЯ, 11, 1251–1255].

²² Определения «посессивный» и (далее) «динамический» для разграничения разных ситуаций пропажи, исчезновения были предложены С. М. Толстой [2003].

В свете этих рассуждений примечательна такая запись речи информанта (запись, к сожалению, содержит только его реплики, выхваченные из монологического высказывания или диалога с собирателем): «Сидели-сидели, разговаривали, а он вдруг вскочил и побежал, о нем скажут, *как митька прял* (1). <...> Соскочил, убежал, и *митька прял* (2), *его и митька прял* (3), так вот. <...> Не знаю, почему митька, это как приставка. <...> Ну, можно даже и украл, где будешь его искать, *митька прял* (4). <...> Может, может к вору отнестись, утащили всё, и *митька прял* (5)» [ЛКТЭ]. Если первых два контекстных употребления фразеологизма отражают «отсубъектную» точку зрения на исчезнувшего (исчез = быстро удался, *(от)прянул*), то примеры 3–5 демонстрируют смену ракурса восприятия на «отобъектный».

Употребление личного местоимения третьего лица при трансформации «динамической» ситуации исчезновения в «посессивную» выглядит естественно, хотя, наверное, нельзя исключать и влияние синтаксической модели (*его и митькой звали*). «Отобъектная» точка зрения поддерживается наличием омонимичного глаголу движения ткаческого термина. См. один из контекстов, приведшихся выше: «Позвонила, а *тебя митька прял*. Значит, нету её. *Разве будет митька долго сидеть за прялкой?*» (Он.) [КСГРС].

4. Выводы

Анализ составляющих онимо-апеллятивного комплекса с именем *Дмитрий* показывает, что данное имя может встречаться как в конкретно-референтном значении (князя Дмитрий Константинович (Суздальский), Дмитрий Донской), так и в нереферентном (имя как таковое, имя вообще). С учетом типа референции в языковой семантике «невоплощенного» имени можно выделить два типа коннотаций: условно назовем их «прецедентные» — при наличии референта имени (прецедента) — и «непрецедентные» — при его отсутствии; иначе «культурные» и «системно-языковые», существующие на диахронном и/или синхронном уровне. Оба указанных типа коннотаций могут сопрягаться в речевом высказывании в пределах одного предложения, см.: «Сынок рос, вот и говорила всё: “Или Дмитрий Донской вырастет, или Митька деревенский”». Диминутив имени в данном контексте может или мог иметь конкретного референта, однако при забвении «внутренней формы» за данным именем могла закрепиться первоначально контекстно обусловленная коннотация деревенщины.

Языковые коннотации личного имени обусловлены действием системно-языковых факторов — паронимической аттракцией и аналогией с имеющимися отантропонимическими моделями номинации. Активное вовлечение личного имени в различные аттракционные процессы свидетельствует о том, что имя вне связи с референтом функционирует в языке скорее как некий «свободный радикал», обладающий особыми — в силу особой же семантики и прагматики

имени — «парамагнитными» свойствами. Яркий пример подобного «магнетизма» имени в представленном выше материале — именной компонент устойчивых сочетаний (*его и*) *митькой* (*мишкой, минкой*) *звали*, (*его и*) *митька прял*, которую можно рассматривать как квазионим, возникший при аттракции уменьшительной формы имени *Дмитрий* к одному из глаголов: *минка / мишка < поминать* или *минуть, миновать, митька < метнуться*.

В рамках оноимо-апеллятивного комплекса с каким-либо личным именем, как показывает рассмотренный материал, могут взаимодействовать другие имена собственные, которые относятся к другим разрядам оноимов, но восходят к антропониму: зоонимы (см. *мити-мити* ‘подзывные слова для овец, ягнят’), агионимы (св. *Димитрий Солунский*) и хрононимы (*Дмитриев (Митриев) день*).

О наличии у имени языковой (непрецедентной, на синхронном уровне) коннотации можно, на наш взгляд, говорить при выполнении следующих двух условий:

а) омонимия с какой-либо формой данного имени, которая запускает в языковом сознании говорящего механизм паронимической аттракции к имени подлинного или мнимого его деривата;

б) наличие отантропонимической модели номинации, которая бы обеспечивала смысловую поддержку «народной этимологии» омонимичной имени лексемы как его производного и доказывала бы возможность подобного развития ономастической семантики (см. *митя* ‘нерасторопный, медлительный человек, растяпа’, *митя* ‘бабочка’, *митька-зуй* ‘птица кулик’).

Содержание коннотаций личного имени (как языковых, так и неязыковых) может определяться лексическим значением деантропонима или той лексемы, которая воспринимается как деантропоним, но им в действительности не является (см. *митя* ‘нерасторопный, медлительный человек, растяпа’), и/или его внутренней формой (*митя* ‘бабочка’, *митька-зуй*, (*его и*) *митькой звали*, (*его и*) *митька прял*), либо контекстной сочетаемостью (*хитрый Митрий*). Семантика имени *Дмитрий* включает в себя взаимоисключающие коннотации: интеллектуальная и/или физическая неполноценность — и наряду с этим хитрость и подвижность.

Любые коннотации (прецедентные и непрецедентные) в языковом сознании, надо полагать, могут быть спроецированы на собирательный образ носителя имени. Его возможная внутренняя «противоречивость» может быть заложена в самом языке и является следствием энантиосемии или гетерогенной омонимии, а может быть обусловлена методикой воссоздания его исследователем, предполагающей суммирование выявленных в ходе анализа коннотаций. Этот смысловой «конфликт» может быть скрытым, т. е. потенциально присутствовать в системе языка, и может частично сниматься узусом, если языковые факты, которые отражают или продуцируют противоположные ассоциации, существуют в различных языковых идиомах (включая идиолект). См., например, омонимы *митя* ‘нерасторопный, медлительный человек, растяпа’ и ‘бабочка’, которые наделяют созвучное им личное имя коннотациями физической активности и малоподвижности

и фиксируются на смежной территории (Слободо-Туринском и Талицком районах Свердловской области соответственно), но даже ареальная близость не может служить аргументом в пользу сосуществования этих коннотаций в сознании носителя языка.

Источники

- Аникин, 1988 — Русские пословицы и поговорки / под ред. В. П. Аникина. М. : Худож. лит., 1988.
- АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980—. Вып. 1—.
- БСРП — *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К.* Большой словарь русских пословиц. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : ГИС, 1955.
- Белянин В. П., Бутенко И. А.* Живая речь. Словарь разговорных выражений. М. : ПАИМС, 1994.
- Козлова Т. В.* Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных. М. : Дело и Сервис, 2001.
- Кондратьева Т. Н.* Метаморфозы собственного имени : опыт словаря. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1983.
- Королева Е. Е.* Дialeктный словарь одной семьи (Пыталовский район Псковской области) : в 2 ч. Даугавпилс : DPU Izdevniecība «Saule», 2000.
- КСГРС — картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
- ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
- Номис, 1864 — Українські приказки, прислів'я, і такє інше : зб. О. В. Марковича і др. / спорудив М. Номис. СПб. : Друк. Тиблена і комп. И. Куліша, 1864.
- ОСВГ — Областной словарь вятских говоров / под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Киров : Изд-во ВятГГУ, 1996—. Вып. 1—.
- Подюков, Черных, 2012 — Русские народные загадки Пермского края : сб. фолькл. текстов с коммент. и истолкованиями / сост. И. А. Подюков, А. В. Черных. СПб. : Маматов, 2012.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Л. ; СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1967—. Вып. 1—.
- ПРН — *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М. : Гос. изд-во худож. литературы, 1957.
- РНК — *Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В.* Русский народный календарь : этнолингв. словарь. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015.
- РФ — *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Русская фразеология : ист.-этимол. словарь. 3-е изд., испр. и доп. М. : Астрель : Аст.Люкс, 2005.
- Садовников, 1959 — Загадки русского народа : сборник загадок, вопросов, притч и задач / сост. Д. Н. Садовников. М. : Изд-во МГУ, 1959.
- СВГ — Словарь вологодских говоров : в 12 вып. / ред. Т. Г. Паникаровская. Вологда : Вологод. гос. пед. ин-т, 1983–2007.
- СГКЗ — *Ганцовская Н. С.* Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома ; М. : КГУ им. Н. А. Некрасова ; Книговек, 2015.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001—. Т. 1—.
- СПГ — Словарь пермских говоров : в 2 т. / под ред. А. Н. Борисовой. Пермь : Книжный мир, 2000–2002.

- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994–2005.
- СРГМ — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия : в 2 ч. / сост. Т. В. Михалева, Р. В. Семенкова и др. СПб. : Наука, 2013.
- СРГС — Словарь русских говоров Сибири : в 5 т. / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск : Наука, 1999–2006.
- СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск : Средне-Уральск. кн. изд-во, 1964–1988.
- СРГСУ-Д — Словарь русских говоров Среднего Урала: Дополнения / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1996.
- Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка : в 3 т. М. : Книга, 1989.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.
- СРФ — *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Словарь русской фразеологии : ист.-этимол. справочник. 2-е изд., испр. СПб. : Изд во СПбГУ ; Фолио Пресс, 1998.
- СРЯ — Словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1981–1988.
- ССРЛЯ — Словарь русского литературного языка : в 17 т. / под ред. А. А. Шахматова. М. ; Л. : АН СССР, 1950–1965.
- Суперанская А. В.* Словарь народных форм русских имен. М. : ЛИБРОКОМ, 2010.
- Уваров Н. В.* Энциклопедия народной мудрости: пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые выражения, сравнения, устойчивые словосочетания, встречающиеся в русском живом языке во второй половине XX — начале XXI веков. М. : Инфра-Инженерия, 2009. URL: https://domknig.com/view_228374#.
- ФСГНП — *Ставишина Н. А.* Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры : в 2 т. СПб. : Наука, 2008.
- ФСПГ — *Прокопиева К. Н.* Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь : Пермский гос. пед. ун-т, 2002.
- ФСРГС — Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск : Наука, 1983.
- ФСРЛЯ — Фразеологический словарь современного русского литературного языка : в 2 т. / сост. А. И. Федоров. Новосибирск : Наука, 1995.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–32), А. Ф. Журавлева (вып. 33–39), Ж. Ж. Варбот (вып. 40–). М., 1974–. Вып. 1–.
- ЯОС — Ярославский областной словарь : в 10 вып. / науч. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль : Яросл. гос. пед. ин-т, 1981–1991.
- ESJS — Etymologický slovník jazyka staroslověnského / hlav. red. E. Havlová. T. 1–. Praha : ACADEMIA, 1989–.

Исследования

- Березович Е. Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014.
- Березович Е. Л., Рут М. Э.* Заметки на полях экспедиционных блокнотов (Волго-Двинское между-речье) // Финно-угорская мозаика : сб. ст. к юбилею И. И. Муллонен. STUDIA NORDICA I / отв. ред. О. П. Илюха. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2016. С. 80–91.
- Бондалетов В. Д.* Русский именник, его состав, статистическая структура и особенности изменения // Ономастика и норма / отв. ред. Л. П. Калакуцкая. М. : Наука, 1976. С. 12–46.

- Васильев В. Л. К истокам сравнения *как в камский мох* // Язык и прошлое народа : сб. науч. ст. памяти проф. А. К. Матвеева / отв. ред. проф. М. Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 52–66.
- Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М. : Индрик, 1997.
- Кривошапова Ю. А. Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом освещении : дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2007.
- Матвеева Т. В. Экспрессивность русского слова. Saarbrücken : Palmarium Academic Publishing, 2013.
- Минлос Ф. Р. Редупликация и парные слова в восточнославянских языках : дис. ... канд. филол. наук / Ин-т славяноведения РАН. М., 2004.
- Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. 3-е изд., перераб. и доп. Донецк : Юго-Восток, 2010.
- Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования. Л. : Наука, 1967.
- Подюков И. А. Отзыв на автореферат дис. ... канд. филол. наук Л. А. Феоктистовой «Номинативное воплощение абстрактной идеи». Рукопись (2003).
- Родионова И. В. Глаголы с антропонимической корневой морфемой в русских народных говорах (I) // Ономастика и диалектная лексика. Вып. 5 / под ред. проф. М. Э. Рут, Л. А. Феоктистовой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 63–77.
- Родионова И. В. Характерологические номинации антропонимического происхождения в русских народных говорах // Русский язык в научном освещении. 2005. № 2 (10). С. 159–189.
- СД — Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 1995–2012.
- Толстая С. М. Отзыв о дис. ... канд. филол. наук Л. А. Феоктистовой «Номинативное воплощение абстрактной идеи (на материале русской лексики со значением ‘пропасть, исчезнуть’)». Рукопись (2003).
- Толстая С. М. Языковая игра и вербальная магия // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова / редкол.: А. В. Архипов, Л. М. Захаров, А. А. Кибрик и др. М. : Языки славянских культур, 2008. С. 717–721.
- Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции). М. : Наука, 1966.
- Успенский Б. А. Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе // Успенский Б. А. Избранные труды. 2-е изд., испр. и доп. М., 1996. Т. 2.
- Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. Иноческие имена на Руси. М. ; СПб. : Ин-т славяноведения РАН ; Нестор-История, 2017.
- Феоктистова Л. А. Кого звали Митькой? (к интерпретации идиом (*его и*) *Митькой звали*, (*его и*) *Митька прял*) // Сельская Россия: прошлое и настоящее : докл. и сообщ. VIII рос. науч.-практ. конф. (Орел, ноябрь 2001 г.) / отв. ред. А. В. Петриков, З. В. Рубцова. М. : Энцикл. российских деревень, 2001. С. 167–170.
- Феоктистова Л. А. Номинативное воплощение абстрактной идеи (на материале русской лексики со значением ‘пропасть, исчезнуть’) : дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2003.
- Феоктистова Л. А. Мотивационная модель «перемещение в пространстве» в лексико-семантическом поле «пропасть, исчезнуть» // Лексический атлас русских народных говоров. (Материалы и исследования). 2007 / отв. ред. А. С. Герд : в 2 ч. СПб. : Наука, 2007. Ч. 1. С. 448–462.
- Феоктистова Л. А. К методике анализа ассоциативно-деривационной семантики личного имени // Вопр. ономастики. 2016. Т. 13. № 1. С. 85–116.
- Феоктистова Л. А. Еще раз о паронимической аттракции к личному имени (на примере имени Елена в русских народных говорах) // Вопр. ономастики. 2019. Т. 16. № 1. С. 53–70.
- Чайкина Ю. И. Именование мужского населения Вологды и Воронежа в первой половине XVII в. // Вопр. ономастики. 2004. № 1. С. 33–39.

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях административных единиц

Вашк.	Вашкинский район Вологодской области	Парф.	Парфеньевский район Костромской области
Вохом.	Вохомский район Костромской области	Пл.	Плюсский район Псковской области
В-Тур.	Верхнетурский район Свердловской области	Подп.	Подпорожский район Ленинградской области
Выг.	Вытегорский район Вологодской области	Пуд.	Пудожский район Республики Карелия
Галич.	Галичский район Костромской области	Сл-Тур.	Слободотуринский район Свердловской области
Гряз.	Грязовецкий район Вологодской области	Тал.	Талицкий район Свердловской области
Кад.	Кадуйский район Вологодской области	Чухл.	Чухломской район Костромской области
Карг.	Каргопольский район Архангельской области	Шал.	Шалинский район Свердловской области
Нев.	Невельский район Псковской области	Шар.	Шарьинский район Костромской области
Он.	Онежский район Архангельской области		
Остр.	Островский район Псковской области		

В названиях языков и диалектов

блр.-полес.	полесские говоры на территории Белоруссии	праслав.	праславянский язык
-------------	---	----------	--------------------

В названиях говоров русского языка

арх.	архангельские	новосиб.	новосибирские
астрах.	астраханские	перм.	пермские
влад.	владимирские	пск.	псковские
влг.	вологодские	ряз.	рязанские
волж.	говоры бассейна р. Волга	свердл.	свердловские
вят.	вятские	сев.	северные
енис.	говоры бассейна р. Енисей	сев.-рус.	севернорусские
казан.	казанские	ср.-приирт.	среднеприиртышские
карел.	говоры Республики Карелия	твер.	тверские
костр.	костромские	тул.	тульские
ленингр.	ленинградские	урал.	уральские
морд. рус.	говоры Республики Мордовия	уфим.	уфимские
нижегор.	нижегородские	юж.	южные
новг.	новгородские	яроsl.	ярославские

Прочие

воровск.	воровское	угол.	уголовное
канон.	каноническое	шутл.	шутливое
простонар.	простонародное		

* * *

Феоктистова Любовь Александровна
кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка, общего
языкознания и речевой коммуникации
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51,
комн. 306
E-mail: l.a.feoktistova@urfu.ru

Feoktistova, Lyubov Aleksandrovna
PhD, Associate Professor, Department
of Russian Language, General Linguistics
and Verbal Communication
Ural Federal University
51, Lenin Ave., office 306, 620000,
Ekaterinburg, Russia
Email: l.a.feoktistova@urfu.ru

Lyubov A. Feoktistova

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

“TRICKY DMITRY”: LINGUISTIC AND CULTURAL CONNOTATIONS OF ONE RUSSIAN PERSONAL NAME

The article focuses on the semantic reconstruction of language units forming proprio-appellative complex with the Russian name *Dmitry* and its variants (*Mitry*, *Mitya*, *Mit'ka*, *Min'ka*). These are dialectal appellatives with different meanings, e.g. *khitry Mitry* <tricky Mitry> ‘a tricker,’ *mitya* ‘a butterfly,’ *mit'ka-zuy* ‘a sandpiper,’ as well as idiomatic expressions, e.g. (*yego i*) *mit'koy zvali* <his name was mit'ka>, (*yego i*) *mit'ka pryal* <mit'ka spun (him)> ‘about someone who suddenly disappears, runs away’. Special attention is paid to the analysis of the internal form of phraseological units represented by several variants, e.g. *yego i min'koy / minkoy zvali* <his name was min'ka / minka>, *yego i vit'ka / van'ka pryal* <vit'ka / van'ka spun him>, *kut'ka / tuchka pryal(a)* <kut'ka / tuchka spun>. The author discusses the hypotheses elaborated by Valery Mokienko, Maria Ruth, and others, and offers her own interpretation of such units. The main point is the possibility of interaction, within one and the same morpho-semantic field, of various diminutive forms of the name *Dmitry* (and possibly *Mikhail* > *min'ka*) with different verbal bases — *pomnit'* ‘to remember,’ cf. *pominay kak zvali* <remember what his name was> according to the version of Valery Mokienko, and *minut'*, *minovat'* ‘to pass’. The proposed etymology of the set phrase (*yego i*) *mit'ka pryal* <mit'ka spun (him)> and its variants considers the homonymy (possibly homogeneous) of the verbs *priast'*, *prianut'* ‘to rush, to slip away’, and *priast'*, *priadu* ‘to spin’, as well as the polysemy of the idiom itself, which can describe different situations of loss — the “dynamic” (disappearing of the subject of action) and the “possessive” (disappearing of the object of action). In this case, the key for the idiom’s internal form can be found in one of the daughter dialects — *kut'ka pryal(a)* <kut'ka spun>, where *kut'ka* means ‘dog, puppy, hen, chicken,’ i.e. “disappear = run away like a chicken or a dog” (Maria Ruth’s version). The author concludes, that the personal name *Dmitry* has systemic linguistic (non-precedent-based) and cultural (precedent-based) connotations and discusses their value and possible projections on the language image of the name bearer.

Key words: anthroponym, personal name, chrononym, idioms with proper names, appellativization, paronymic attraction, quasi-onym, morphosemantic field, proprio-appellative complex.

Acknowledgements

The research was carried out within the project 34.2316.2017/ПЧ “The Volga-Dvina Interfluve and the Belozerye Area: History and Culture of Regions according to Linguistic Data” supported by the Russian Ministry of Higher Education and Science.

The author is very grateful to Elena Berezovich and Olga Mishchenko for their comments on the paper and valuable recommendations that the author tried to follow while preparing the manuscript for publication.

- Berezovich, E. L., & Rut, M. E. (2016). Zametki na poliakh ekspeditsionnykh bloknotov (Volgo-Dvinskoe mezhdurech'e) [Notes on the Margins of Expedition Notebooks (Volga-Dvina Interfluve)]. In O. P. Iliukha (Ed.), *Finno-ugorskaiia mozaika: sbornik statei k iubileiu Irmu Ivanovny Mullonen* [Finno-Ugric Mosaic: A Collection of Articles for the Anniversary of Irma Mullonen] (pp. 80–91). Petrozavodsk: KarNTS RAN.
- Berezovich, E. L. (2014). *Russkaia leksika na obshch斯拉vianskom fone: semantiko-motivatsionnaia rekonstruktsiia* [Russian Vocabulary on the Common Slavic Background: Semantic Motivational Reconstruction]. Moscow: Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniu i Nauke.
- Bondaletov, V. D. (1976). Russkii imennik, ego sostav, statisticheskaia struktura i osobennosti izmeneniia [Russian Nomenclature, its Composition, Statistical Structure and Peculiarities of Changes]. In L. P. Kalakutskaiia (Ed.), *Onomastika i norma* [Onomastics and Norm] (pp. 12–46). Moscow: Nauka.
- Feoktistova, L. A. (2001). Kogo zvali Mit'koi? (k interpretatsii idiom (ego i) Mit'koi zvali, (ego i) Mit'ka priial) [Who was Mitka? (Towards the interpretation of the idiom (ego i) Mit'koi zvali, (ego i) Mit'ka priial)]. In F. V. Petrikov, & Z. V. Rubtsova (Eds.), *Sel'skaia Rossiia: proshloe i nastoiashchee* [Rural Russia: Past and Present] (pp. 167–170). Moscow: Entsiklopediia rossiiskikh dereven'.
- Feoktistova, L. A. (2003). *Nominativnoe voploshchenie abstraktnoi idei (na materiale russkoi leksiki so znacheniem 'propast', ischeznut')* [Naming Embodiment of an Abstract Idea (with Reference to Russian Words with the Meaning of 'Vanishing, Disappearing')] (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg.
- Feoktistova, L. A. (2007). Motivatsionnaia model' “peremeshchenie v prostranstve” v leksiko-semanticheskom pole ‘propast’, ischeznut’” [Motivational Pattern “Movement in Space” in the Lexico-Semantic Field ‘Vanishing, Disappearing’]. In A. S. Gerd (Ed.), *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov. (Materialy i issledovaniia)* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Studies)] (Issue 1, pp. 448–462). St Petersburg: Nauka.
- Feoktistova, L. A. (2016). K metodike analiza assotsiativno-derivatsionnoi semantiki lichnogo imeni [Towards a Methodology for the Analysis of Associative-Derivational Meaning of a Personal Name]. *Voprosy onomastiki*, 1(13), 85–116. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2016.13.1.005.
- Feoktistova, L. A. (2019). Eshche raz o paronimicheskoi attraktsii k lichnomu imeni (na primere imeni Elena v russkikh narodnykh govorakh) [Revisiting the Paronymic Attraction to a Personal Name: the Name Elena in Russian Dialects]. *Voprosy onomastiki*, 1(16), 53–70. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.1.004.
- Gura, A. V. (1997). *Simvolika zhivotnykh v slavianskoi narodnoi traditsii* [Symbolism of Animals in Slavic Folk Tradition]. Moscow: Indrik.
- Havlová, E. (Ed.) (1989–). *Etymologický slovník jazyka staroslověnského* [An Etymological Dictionary of the Proto-Slavic Language]. (Vols. 1–). Praha: ACADEMIA, 1989–.
- Krivoshchapova, Yu. A. (2007). *Russkaia entomologicheskaiia leksika v etnolingvističeskom osveshchenii* [Russian Entomological Vocabulary in Ethnolinguistic Perspective] (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg.
- Matveyeva, T. V. (2013). *Ekspressivnost' russkogo slova* [Expressiveness of Russian Vocabulary]. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing.

- Minlos, F. R. (2004). *Reduplikatsiia i parnye slova v vostochnoslavianskikh yazykakh* [Reduplication and Paired Words in East Slavic Languages] (Doctoral dissertation). Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow.
- Otin, E. S. (2010). *Slovar' konnotativnykh sobstvennykh imen* [A Dictionary of Connotative Proper Names] (3rd ed.). Donetsk: Iugo-Vostok.
- Otkupshchikov, Yu. V. (1967). *Iz istorii indoevropskogo slovoobrazovaniia* [From the History of Indo-European Word Formation]. Leningrad: Nauka.
- Rodionova, I. V. (2004). Glagoly s antroponimicheskoi kornevoi morfemoi v russkikh narodnykh govorakh (I) [Verbs with Anthroponymic Root Morpheme in Russian Dialects (I)]. In M. E. Rut, & L. A. Feoktistova (Eds.), *Onomastika i dialektnaia leksika* [Onomastics and Dialectal Vocabulary]. (Vol. 5, pp. 63–77). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Uralskogo universiteta.
- Rodionova, I. V. (2005). Kharakterologicheskie nominatsii antroponimicheskogo proiskhozhdeniia v russkikh narodnykh govorakh [Characterological Nouns of Anthroponymic Origin in Russian Dialects]. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 1(10), 159–189.
- Tchaikina, Yu. I. (2004). Men's Names in Vologda and Voronezh in the 1st Half of the 17th Century. *Voprosy onomastiki*, 1, 33–39.
- Tolstaya, S. M. (2008). Iazykovaia igra i verbal'naia magiia [Language Game and Verbal Magic]. In A. V. Arkhipov, L. M. Zakharov, A. A. Kibrik et al. (Eds.), *Fonetika i nefonetika. K 70-letiju Sandro V. Kodzasova* [Phonetics and Non-Phonetics. To the 70th Anniversary of Sandro V. Kodzasov] (pp. 717–721). Moscow: Jazyki slavianskikh kul'tur.
- Tolstoy, N. I. (Ed.). (1995–2012). *Slavianskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary] (Vols. 1–5). Moscow: Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences.
- Trubachev, O. N. (1966). *Remeslennaia terminologiya v slavianskikh iazykakh (etimologiya i opyt gruppovoi rekonstrukcii)* [Craft Terminology in Slavic Languages (Etymology and Group Reconstruction)]. Moscow: Nauka.
- Uspenskij, B. A. (1996). *Izbrannye trudy* [Collected Works] (Vol. 2). Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.
- Uspenskij, B. A., & Uspenskij, F. B. (2017). *Inocheskie imena na Rusi* [Monastic Names in Russia]. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Vasilyev, V. L. (2012). K istokam sravneniia kak v kamskii mokh [To the Origins of the Simile *kak v kamskii mokh*]. In M. E. Rut (Ed.), *Iazyk i proshloe naroda: sbornik nauchnykh statei pamiati professora A. K. Matveeva* [Language and the People's Past: A Collection of Articles in Memory of Prof. Alexander Matveyev] (pp. 52–66). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Uralskogo universiteta.

Received 23 October 2019